

**АЛЕКСАНДР
СТЕПАНОВ**

*Волгодонск
2018*

Александр Степанов родился в 1949 году в селе Серебрянка Новосибирской области. Окончил медицинское училище, сельскохозяйственный институт, служил в Армии, работал фельдшером, зоотехником, преподавал в школе. В 1997 году вышла его первая книга стихов «Строго между нами». А.Степанов член Союза писателей России с 2002 года. В настоящее время живёт в городе Волгодонске Ростовской области.

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВ

ЗАКАДЫЧНЫЕ
ДРУЗЬЯ

(Повесть)

84 Рос 6
С 79

Степанов А.В.

Закадычные друзья: Повесть /
Александр Владимирович Степанов. –
Волгодонск: Самиздат, 2018. – 113 с.

*В книге «Закадычные друзья»
рассказывается о школьниках, которые
мечтали о путешествиях, о том, как их
мечты претворились в жизнь, кто им помог
в этом, с какими трудностями им пришлось
встретиться.*

Глава первая

Мы с Шуркой закадычные друзья. Самые закадычные, закадычнее не бывает. Мы с ним расстаёмся только на ночь и то не всегда. Иногда он ночует у меня, иногда я у него. Родители наши вначале ворчали, мама даже возмущалась:

- Ночевать к Шурику не пойдёшь, что у тебя дома нет? Вы и так целыми днями вместе, хоть уж ночью побудьте врозь.

Шуркина мать тоже была недовольна и тоже ему наговаривала что-то подобное. Но прошло время, они ко всему привыкли и даже сами стали волноваться, если мы вдруг ни с того ни с сего появлялись где-нибудь по одному.

Учимся мы с ним в одном классе, сидим за одной партой. Учителя говорят, если спросить Шурку, и он ответит на «пятёрку», то и Сашке, то есть мне, тоже надо ставить «пятёрку», даже не

вызывая к доске. Правда Шурка не всегда до «пятёрок» дотягивает. У него чаще «четвёрки» выходят, хотя уроки мы обычно делаем вместе и никогда не откладываем учебники в сторону, пока не сделаем домашние задания.

Мы с Шуркой и вправду очень похожи. Моя бабушка как-то сказала;

– Ой, ребята, вас с ходу и не различишь, такое ощущение, что одна мать родила.

А сказала она так, когда сшила мне новую рубашку с красивыми пуговицами и двумя карманами. А Шуркина мама, увидев её, пошла к бабушке и попросила сшить такую же для Шурки. Бабушка сказала, что это просто, поскольку снимать с него мерку не надо, можно шить и по моему размеру.

Назавтра рубашка была готова, и мы с Шуркой целый час прогуливались по деревне. А потом пришли домой. Вот тут бабушка и сказала о том, как мы с Шуркой похожи. А мы сняли рубашки и

надели старые майки, их, если даже и запачкаешь, не так жалко.

А ещё мы похожи причёсками. Как только начались каникулы, Шуркин отец усадил нас во дворе рядком на лавочке и подстриг обоих «под ноль».

– Летом вам эта краса не нужна, – сказал он, – а к школе мы, надеюсь, отрастим что-нибудь получше.

Мы с Шуркой, к слову сказать, и не сопротивлялись, без волос и вправду лучше: не надо их мыть, не надо расчёсывать и не надо бояться, что кто-то тебя сдуру ухватит за чуб.

Наталья Петровна – это наша учительница, тоже говорила:

– Саша и Шура (я дословно не помню, может быть, она сказала: «Шура и Саша»), вы у нас в классе во всём пример: и в учёбе, и в дружбе, и в поведении, и в отношении к старшим. Я думаю, что нам всем можно гордиться вами и брать с вас пример.

Конечно, об этом можно было бы и не писать, это вроде бы как хвастовство.

Но я клянусь, что так она и говорила, любой человек из нашего класса может подтвердить.

А ещё мы любим читать книги, делать своими руками какие-нибудь поделки. Правда, в этом наши интересы немного расходятся. Я больше люблю читать, а Шурик – мастерить. Когда мы идём в библиотеку, я всегда выбираю книгу потолще, а он – потоньше, да чтобы картинок в ней было побольше, а буквы покрупнее. Я ему не раз говорил, чтобы он не уваливал от чтения, а он всегда делает вид, что плохо понимает меня.

– Я читаю ровно столько книг, сколько и ты. Я же не виноват, что книжки, которые меня интересуют, – тонкие и с картинками. Ты тоже можешь выбрать такие, я не против.

Ну что ты поделаешь с ним. Ладно, решил я, пусть он читает сказки, а я буду читать только серьёзную литературу: про корабли, самолёты, путешествия. Я уже прочёл про Робинзона Крузо, про

Гулливера, про пленников Барсова ущелья, книгу «О смелых и умелых».

Зато Шурка может делать своими руками разные нужные нам предметы, да так ловко, что мне и в мечтах не представить. Моя мама не раз и не два говорила, что у Шурки руки из правильного места растут.

Наталья Петровна как-то обратилась к классу:

– Ребята, может быть, вы сделаете мне указку, а то наша кривая, неприглядная, её и в руки брать стыдно?

– Сделаем, – дружно закричали все.

Мы с Шуркой тоже кричали, а когда пришли домой, Шурка сказал мне:

– Давай, каждый будет делать свою указку. У кого лучше получится, ту и отдадим Наталье Петровне.

Я согласился, хотя точно знал, что Шуркина указка будет самой лучшей. До поздней ночи я строгал палки, сделал десяток указок, но все они почему-то получались такими же, как была у нас в

классе, или даже хуже. Потом пришёл Шурик и принёс свою указку.

– Вот, – показал он, – целый час делал.

– Не ври, – вырвалось у меня, – я бы такую красоту и за неделю не сделал.

– Сделал, если бы постарался.

Наталья Петровна из целого вороха указок отобрала три: Серёжки Фомина, Кольки Марченко и Шурки. Она похвалила их и всем сказала: «Спасибо». И тогда Шурка поднял руку и попросил слова.

– Говори, – разрешила Наталья Петровна.

– А мы, – сказал он, – делали эту указку вдвоём.

– Я и не сомневалась, – засмеялась она, значит вы оба молодцы.

На перемене я сказал Шурке:

– Зачем ты соврал? Я ведь к этой указке не имею никакого отношения.

– А что же ты не сказал это на уроке при всех? Выходит тоже соврал?

– Это другое дело. Я не хотел ставить тебя в неловкое положение.

– Спасибо и на этом. А я вот тоже не хотел, чтобы ты оказался в неловком положении. Что бы подумала Наталья Петровна, вот пятиклассник, а не смог несчастную указку сделать.

– Так-то оно конечно, так, но всё равно мы поступили нечестно. Я сам сделаю указку и тогда всё расскажу Наталье Петровне.

Слово своё я сдержал, хотя и корпел над этой указкой два месяца. Шурик предлагал свою помощь, но я отказался и всё сделал сам.

Наталья Петровна внимательно выслушала мой рассказ, взяла мою указку, повертела в руках:

– Отменная работа, я думаю, что она несколько не хуже, чем та, которую вы сделали «сообща» с Шурой. А на него ты не обижайся. Оба вы немножко ошиблись: один сказал неправду, второй скрыл её. Но оправдывает вас одно: сделали вы это только для того, чтобы

помочь другу. Держитесь вместе, и никто никогда не сможет сломить вас.

А мы и так держимся друг за друга уже всю жизнь. Вернее, почти всю жизнь. Потому что мы в первый раз встретились с ним, когда нам было ещё по семь лет и осенью предстояло пойти в школу.

А вышло это так. Как-то утром я вышел на улицу, чтобы проверить обстановку: а вдруг кто-то из знакомых мальчишек уже вышел погулять. Поглядел налево – никого, прямо – тоже никого, направо... а вот там стоял мальчик и смотрел на меня. «Интересно, – подумал я, – чей же это пацан? Ни разу не видел». И чтобы зря не ломать голову, решил спросить у него самого.

– Привет.

– Привет.

– Ты чей?

– А ты чей?

– Тебя как зовут?

– Шурка, а тебя?

– Сашка.

– Ишь ты, тёзки.

– Какие же мы тёзки? Ты Шурка, а я Сашка.

– Тёзки, тёзки, – засмеялся он, – ты Александр и я Александр. А знаешь, отчего Шура получился?

– Нет.

– От Саши. Сначала человека звали Саша, потом стали звать Сашура, а потом, когда он уже повзрослел, стали звать просто Шура.

– Ловко ты придумал.

– Да это не я, это мне мама рассказала.

– А что ты тут делаешь? В гости приехал?

– Нет, мы сюда жить переехали. А вот наш дом, – он указал на неподалёку стоящий небольшой домик, в котором жила тётя Маша, известная гроза всех деревенских мальчишек.

– Так здесь тётка Машка живёт.

– Жила, наверное. А сейчас мы.

– Вот здорово. Тогда давай будем дружить.

– Давай.

Так мы целый день вместе и провели. А потом второй день, а потом третий. И так изо дня в день. А потом в школу вместе пошли. Моя мама попросила нашу первую учительницу Александру Дмитриевну посадить нас вместе. Та согласилась. И вот уже шесть лет мы сидим за одной партой, и делаем всё вместе и всё остальное, о чём я уже рассказывал.

Глава вторая

Однажды, вернувшись из магазина, мама сказала:

– Посмотри, что я тебе купила, – и подала мне небольшую книжечку.

Книги я люблю всякие и этой тоже обрадовался. Однако это была не книга, а записная книжка в твёрдом переплёте. У меня ещё никогда не было ничего подобного. Я сразу же побежал к Шурке:

– Смотри, что мне мама подарила.

– Ух, ты! Сильная вещь!

Мы сели на диван и долго рассматривали диковинку. В этой записной книжке сто листов в клеточку, все листочки пронумерованы, обложка твёрдая цветная, на ней золотом выдавлено слово «Блокнот» и Спасская башня Кремля. Но самое главное, что от неё исходил вкусный запах типографской краски, что для любителей чтения и книг является самым приятным ароматом.

Как только мы закончили осматривать блокнот, Шурка спросил:

– А что мы будем записывать в него?

– Не знаю.

– А давай...

И мы начали наперебой предлагать разные варианты. Но всё, что предлагал Шурка, не нравилось мне, а всё, что предлагал я, с ходу отвергалось Шуркой. Наконец, это надоело нам, и мы решили взять перерыв до завтра и подумать о судьбе записной книжки дома.

Дома я сел на диван, достал из кармана записную книжку, полистал страницы и снова начал думать над тем, что можно записать в неё. Рассуждал я так: мы с Шуркой любим читать книги, значит, в блокнот можно записывать все сведения о прочитанном. Это, во-первых. Во-вторых, мы любим мастерить. А это значит, что в записную книжку можно заносить все данные о наших поделках. В-третьих, мы с удовольствием занимаемся спортом: играем в футбол, в шахматы. В-четвертых, и Шурка, и я чуть ли не каждый день пропадаем на речке: то купаемся, то загораем, а то рыбачим. И обо всём этом также можно записывать в записную книжку. И тогда получится, что это не какие-то важные и нужные записи, а самый обыкновенный дневник. А вести его вдвоём, скорее всего, не получится. Если записывать буду я, то я смогу рассказать только о себе. А если он, то обо мне там будет очень немного.

«Ладно, – решил я, – пусть записная книжка полежит в шкафу. А когда мы что-нибудь придумаем тогда её оттуда и достанем». Назавтра я так Шурке всё и объяснил. Он согласился:

– Конечно, на всякую ерунду переводить такую вещь не стоит, прочитанные книги и так надо помнить, а дневники только девчонки ведут.

И на несколько дней мы забыли об этом блокноте.

Как-то мы лежали с Шуркой на берегу реки, загорали, любовались природой.

– А знаешь, что я подумал, – неожиданно спросил Шурка, – вот мы лежим с тобой, валяемся, ни о чём не думаем. А вдруг мы бы оказались как Робинзон Крузо на необитаемом острове. Как, по-твоему, смогли бы мы там выжить?

Книгу о Робинзоне Шурка не читал. Это я ему рассказывал про него. И вот надо же, зацепило человека.

– Наверное, выжили бы, – отозвался я. – Тем более у него и ружья были, и инструменты всякие...

– А что мы с тобой стрелять умеем? – перебил Шурка. – А, кроме того, не всем ведь так везёт, как Робинзону. Вдруг мы с тобой попадём на необитаемый остров с голыми руками. Что тогда делать будем?

– Не попадём. Сейчас время другое. Нас быстро найдут.

– А вдруг не найдут, или найдут через месяц? А этот месяц как-то прожить надо.

Вот тут и мне в голову пришла интересная мысль, я аж подскочил на песке:

– А давай тогда будем готовиться к жизни на необитаемом острове.

– Давай, – обрадовался Шурка, – это интересно. Об этом можно и в записной книжке записывать.

– Правильно, – поддержал я, – только, чур, никому об этом не говорить. Кто проболтается, тот предатель.

– Я не проболтаюсь, – пообещал Шурка.

И мы с ним поклялись страшной клятвой: «Мы – закадычные друзья Сашка и Шурка клянёмся, никогда и никому не открывать наших тайн и секретов даже под самыми страшными пытками. Пусть наши тайны умрут с нами. Каждый, кто нарушит клятву, будет покрыт несмываемым позором».

Текст этой клятвы мы торжественно записали на первой странице моего блокнота и расписались внизу под ним. Шурка предложил подписываться кровью, но я отговорил его, а почему и сам не знаю. Крови я не боюсь, и резануть осколком стекла по пальцу для меня пара пустяков. Просто, наверное, так уж получилось, хотя позже я даже пожалел, что не согласился с Шуркой. И причины на это не заставили себя ждать. Но об этом позже.

А пока мы с Шуркой полностью ушли в наши мечты о выживании на необитаемом острове. Одна беда, мы

никак не могли придумать ситуацию, из-за которой окажемся там. Пешком туда не дойдёшь, на самолётах мы не летаем, на кораблях не плаваем, поездом не доберёшься. Вот когда вырастем, тогда, может быть, с нами что-нибудь приключится. Но к этому и готовиться не стоит, потому что взрослые и так всё знают.

Наконец, нам надоело такое пустое фантазирование, и я предложил:

– Давай, Шурка, этот этап подготовки пока оставим. Попадём мы на этот остров или нет, не важно, главное, что мы будем готовы.

– И правильно, – согласился Шурик, – сдался нам этот остров, необитаемых, поди, уже и в помине не осталось.

И тут мне в голову пришла ещё одна гениальная идея:

– Шурка, – закричал я, – точно, давай готовиться не к жизни на острове, а к походу, это будет интереснее и

полезнее. В поход мы сможем выбраться в любое время.

– Не выберемся, родители не пустят.

– Если не подготовимся – не пустят, а подготовимся – тогда и разговаривать будем.

Глава третья

На следующий день мы до самого обеда ничего не делали и только мечтали о самых настоящих походах со страшными трудностями и ужасными приключениями. Шурка говорил о том, что хорошо бы заблудиться в тайге, где на сотни километров нет никакого даже маломальского человеческого жилья. Я поддержал его и стал придумывать разные трудности, которые нам могут встретиться в тайге. Потом я сказал, что лучше путешествовать не по тайге, а плавать по реке, потому что тайга от нас далеко, а река рядом, за нашими огородами. Шурка спорить не стал, и мы

быстро переключились на приключения на воде.

Мечтать было приятно, дома никого не было, мы сидели у нас в комнате на диване, время летело незаметно. Так, наверное, мы бы и просидели до вечера, вернее до прихода моих родителей с работы, если бы вдруг не спохватились.

– Шурка, что же мы с тобой делаем? Ведь уже полдня прошло, а мы с тобой ничему не научились, только языки чешем.

– А чему надо учиться? Я не знаю. Ты книжки толстые читаешь, вот ты и говори.

– Я и сам не знаю, давай составим план, чему мы должны научиться.

– Правильно, – поддержал меня Шурка, – давай. А ещё надо решить, что будем с собой брать в поход. А то подойдёт время, и мы будем хватать всякую ерунду, которая в походе сроду не пригодится, а нужное будет лежать дома.

– И то верно, – сказал я.

А Шурка вдруг обрадовался:

– Тащи свой блокнот, мы в него сейчас и план запишем, и список нужных для похода вещей. А то время идёт не в нашу пользу.

Я тоже обрадовался. Вот и блокнот сгодится: не для пустых записок, а для серьёзного дела.

На второй странице (на первой у нас записана клятва) я крупными буквами написал заголовок: «План подготовки к походу». На этом мои познания по составлению плана закончились, хотя я добросовестно думал над тем, что надо писать дальше. Как на беду ничего умного в голову не приходило.

– Шурка, – взмолился я, – ну чего ты молчишь? Давай, тоже думай.

– А что надо думать?

– Думай, чему мы с тобой должны научиться прежде, чем в поход идти.

– Сено косить.

– Ты что, Шурка спятил что ли? Зачем нам в походе надо сено косить?

– Как зачем? – искренне удивился Шурка. – А где ты спать будешь? А так сена накошим и будем спать, как на перине.

– Ты что же в поход косу с собой потащишь?

– Ну да...не подумал, – Шурка помолчал, – а давай сначала напишем список вещей, которые надо будет взять с собой. А когда будет список, тогда можно решить, чему надо учиться.

– Правильно.

Я сразу же согласился, потому что это предложение мне показалось разумным, и тут же на следующей странице блокнота крупными буквами вывел: «Список вещей, необходимых в походе».

– Так, Шурик, давай диктуй.

– Чего тут диктовать? Перво-наперво, я думаю, топор нужен.

Не успел я и рта раскрыть, чтобы возразить ему, как Шурка опередил меня.

– Ты, Сашка, сам подумай, как можно без топора. Дров нарубить надо? Надо. Колья вырубить надо? Надо. Шалаш будем строить? Значит, ветки будем рубить. И вообще, вдруг зверь какой нападёт, а у нас будет чем отбиться. Топор обязательно нужен.

– Ну ладно, уговорил.

И я записал: «1. Топор».

– Давай дальше.

– Может быть, ножовку? – осторожно спросил Шурка.

– А ножовку зачем?

– Дрова будем пилить, колья...

– Ветки на шалаш, – перебил его я.

– Ты что городишь? А зачем же мы топор берём?

– И чего ты рассердился? Я ведь просто предлагаю, ну предлагай ты.

Он засопел носом и отвернулся от меня. Я задумался, а потом на меня снизошло озарение.

– Шурка, – радостно закричал я, – не сердись, перво-наперво нам нужны рюкзаки, в которые мы будем складывать все нужные вещи.

– А у вас дома есть рюкзаки? – поинтересовался Шурка, как мне показалось, не без ехидства.

– У нас нет.

– И у нас нет. Где же их брать будем?

– Нигде, сами сошьём.

– А ты умеешь?

– Научимся. А вот тебе и первый пункт в план подготовки к походу: научиться шить, штопать одежду. Согласен?

– Согласен. В лесу порвать одежду не мудрено. А ходить оборванцем неудобно. А в список тогда добавь: нитки и иголки.

– Вот видишь, – обрадовался я, – так мы с тобой постепенно и план напишем и список составим. А когда начнём рюкзаки шить?

– Давай завтра с утра и начнём. Я думаю, удобнее всего их шить из мешков. Надо только, чтобы они одинаковыми были по размерам.

– А ножницы с собой брать будем? Вдруг заплатку какую вырезать придётся.

– Нет, наверное, заплатку можно и ножом вырезать.

– Тогда нож запиши в список. Вот только не знаю, какой лучше взять, большой или перочинного хватит.

– Наверное, пригодятся и тот и другой. Большим можно будет хлеб резать, картошку чистить, рыбу, если поймает, а перочинным – так что-нибудь по мелочам.

Мы ещё долго разговаривали на эту тему. В результате в блокноте появились новые записи. Мы постановили научиться варить, плавать в одежде, на случай если нечаянно упадём в воду, лазать по деревьям, ходить босиком, стрелять из рогатки в цель, спать под открытым небом, даже в

дождь и кое-что ещё по мелочи. А в список внесли необходимые предметы: ложки, вилки, кружки, тарелки, котелок, спички, ручку, блокнот.

Воодушевлённые хорошим плодотворным началом подготовки к походу мы поздно вечером разошлись, чтобы на завтра с новыми силами приступить к реализации наших планов.

Глава четвертая

Утром я подскочил ни свет ни заря. Умылся, съел пирог с картошкой, запил молоком, отыскал в чулане крепкий чистый мешок и сел на лавочку возле дома дожидаться Шурика. Прошло десять минут, двадцать, но он не появлялся. «Вот засоня, – подумал я, – и когда он только выспится?»

Я подождал ещё немного и пошёл будить этого горе-путешественника. «Ну, – думал я, – задам же тебе перцу по первое число, недели две спать не захочешь». Но, когда я увидел на двери его дома большущий замок, пыл мой

поостыл и сменился удивлением. Получается, что ни отца, ни матери, ни самого Шурика дома нет. С раннего утра они куда-то испарились. «Хорошо, подумал я, – время есть, можно и подождать, не навсегда же они уехали».

Я ещё подождал, ещё раз сходил к ним и опять, как говорит моя бабушка, «поцеловал пробой». Я ещё несколько раз бегал к соседям, наконец, мне это надоело. Я залез на чердак на своё потаённое место и стал мечтать о наших с Шуркой будущих походах. Однако без него мечталось плохо. Плюнув на это занятие, я принялся читать первую подвернувшуюся под руку книгу. Но и чтение не отвлекало меня от мысли о Шурке: интересно, куда он пропал, почему мне ничего не сказал? Тоже друг называется.

Я прочёл несколько страниц и только тогда заметил, что не понимаю смысла прочитанного. Отложив книгу, спустился с чердака, походил по двору,

но и здесь не нашёл ничего интересного. Мама увидела меня и спросила:

– Что ты как неприкаянный шастаешь из угла в угол? С Шуркой что ли поругались?

– Нет, не ругались. Просто их никого дома нет. Он с родителями куда-то исчез.

– И что? Стоит ли из-за этого расстраиваться. Может, дела у них какие-нибудь, может, в город поехали за покупками. Не горюй, приедут.

– Я и не горюю, просто у нас уговор есть.

– Уговор от вас не убежит. Сходи лучше на рыбалку. Там на берегу, поди, весь ваш класс собрался.

– Нет, один я не пойду, лучше Шурика подожду.

Шурка появился неожиданно. Я только разинул рот, чтобы сказать ему что-нибудь обидное, как увидел, что он не один. Из-за его плеча выглядывала незнакомая девчонка. Я тут же закрыл рот, потому что при чужом человеке

выказывать своё недовольство мне не хотелось.

– Вот, – сказал Шурка, – познакомься, это моя сестра Вера. Она из Ростова, сегодня ночью со своей мамой прилетела к нам в гости. А мы ездили в город встречать их. Вер, – он обернулся к сестре, – а это мой закадычный друг Сашка, я тебе про него уже рассказывал.

Девочка улыбнулась:

– Очень приятно познакомиться.

Мне тоже было приятно, потому что, честно говоря, мне она сразу же понравилась. Но я постарался не показать этого, буркнул что-то в ответ и напал на Шурика:

– Ну, друг, ты даёшь! У нас ведь столько дел ещё! А ты...

Я долго нёс какую-то чушь, наверное, от смущения перед этой девочкой. А она стояла, смотрела на меня и улыбалась широкой и доброй улыбкой.

– Ты не ругайся, – примирительно сказал Шурка. – Верка – хорошая девчонка. Она до школы поживёт у нас. Мы ей деревню покажем, походим в лес, на рыбалку. Я ей уже рассказал, что мы с тобой в поход готовимся, а она тоже с нами собралась. Втроём все-таки веселей. Да она и готовить умеет, всё нам попроще будет.

От такого признания у меня отнялся язык. «Вот болтун, – мысленно возмутился я, – трепач, предатель, первому встречному разболтал нашу главную тайну. А ещё клялся, что никому ни слова».

Шуркина сестра оказалась сообразительной девчонкой, она, видимо, поняла, что нам надо остаться наедине.

– Ой, мальчики, – спохватилась она, – мне надо идти, я ведь с дороги даже и не умылась. И вещи надо разобрать, а то мама устала и ей не до того.

Она резко повернулась на каблуках, косички с бантиками разлетелись по сторонам, но тут же, как по команде, собрались на спине. Хлопнула калитка. Мы с Шуркой остались вдвоём.

– А скажи-ка, друг Шурка, твоя сестра всё лето будет вертеться возле нас?

– А куда я её дену?

– Куда, куда... А давай её с Галькой Сидоровой познакомим. Пусть они в куклы играют, всякие там наряды примеряют, сплетни девчоночьи собирают. Ты вот по своей безголовости пообещал, что мы её и на рыбалку поведём, и в поход возьмём. А она, наверное, обрадовалась, губы раскатала, думает, поди, что походы – это прогулки по бульвару, что мы с тобой будем рюкзаки таскать, а она цветочки нюхать да дышать чистым воздухом. Ты прежде, чем обещать, мог бы трижды головой своей подумать. И со мной не мешало бы посоветоваться.

Шурка, придавленный моими доводами, сник, опустил вниз глаза и молчал, как каменный истукан. Я думаю, ему всё-таки было стыдно за то, что, не спросив меня, он разболтал все наши секреты самой обыкновенной девчонке, причём городской, которая и траву, кроме как на газоне, нигде не видела.

Глава пятая

На следующий день с утра я начал поджидать Шурку. По-моему, он должен был прийти первым, поскольку наши тайны разбалтывал не я. Но и он не торопился. В десять часов я всё-таки не стерпел и решил сам пойти к нему. Но Шурки дома не оказалось.

– А они с Верой на речку убежали,
– сказала тётя Маша, Шуркина мама.

– А-а-а, – сказал я, – тогда ладно.

И, не солоно хлебавши, пошагал домой. Я сделал безразличный вид, но в душе у меня забегали черти с чертенятами. Если бы в данную минуту мне на глаза попался Шурка, я бы,

наверное, повесил его на первой осине. Потолкавшись несколько минут во дворе, я вдруг отчётливо понял, что без Шурки уже не смогу жить: у меня пропало желание что-то делать, к чему-то стремиться и даже просто думать. Я уже решил тоже отправиться на речку, чтобы там найти Шурку с сестрой, но в это время они появились сами. Оба с мокрыми волосами и с довольными рожицами. У Шурки улыбка была до ушей и взгляд как у невинного младенца. Я вначале хотел для форса обидеться на них, потом подумал и плюнул на всё. Если начать обижаться, то можно всё лето дуться. Так и не заметишь, как оно пролетит.

Но всё равно Шурке я высказал:

– Что же ты один на речку убежал?

А ещё другом называешься.

Шурка заморгал глазами, не зная как ответить на мой справедливый упрёк. Выручила его Вера:

– Ты, Саша, прости нас. Шурик не виноват, он хотел зайти за тобой, а я его

с пути сбила. «Мы, – говорю, – только на минутку сбегает на речку, даже купаться не будем». Он и согласился. А когда пришли туда, не устояли, решили по разу нырнуть.

– Ага, – подхватил разговор Шурка, – ты знаешь, как она классно плавает и ныряет. Она почти всю нашу речку переныривает.

– Вот видишь, – подкусил я Шурку, – я ведь тебе не раз говорил, чтобы ты серьёзней относился к плаванию.

Сам-то я плавал неплохо, в крайнем случае, лучше Шурки, но вот ныряю тоже не очень, всю речку перенырнуть я бы конечно не смог. Поэтому я быстренько поменял тему разговора, переведя его на Шуркину сестру.

Вера оказалась словоохотливой, нет не болтливой, как многие девчонки, а просто откровенной, с удовольствием рассказывающей о своём житье-бытье. Она рассказала, что живёт в Ростовской области, окончила восемь классов и

нынче пойдёт в девятый, что учится хорошо, любит биологию и литературу, много читает и ходит в кино. А ещё, оказывается, она занимается в нескольких кружках и спортивных секциях. Я считал, что она, как и все девчонки, ходит в кружки рукоделия, пения и танцев и занимается художественной гимнастикой.

Оказалось, что это не так. Вера увлекается шахматами, теннисом, ходит в секцию туризма.

– Ого, – сказал я, – а давно ты в ней занимаешься?

– Да нет, – засмеялась Вера, – недавно, всего два года.

– Ого, – опять сказал я, – да за два года можно многому научиться.

Тут к разговору подключился Шурка:

– Она и так много чего знает, она вот мне рассказывала, что они и в походы ходили.

– Ого, – в третий раз сказал я, – так неужели ты и в походы ходила?

– Ходила, – снова засмеялась она.

– Так ты, наверное, много чего изучила?

– Немного, – ответила она, – но всё-таки кое-что знаю. Знаю, например, как палатки ставить, знаю, как костер разжигать, знаю, как первую медицинскую помощь оказать пострадавшему

– Стой, стой, стой, – закричал я, – а давай-ка ты у нас с Шуркой инструктором будешь. Будешь нам помогать к походу готовиться.

Конечно, мне было очень обидно, что Вера будет главной в этом деле, а я останусь вроде как на вторых ролях. Но тут уж ничего не поделаешь, сам-то я в этом деле абсолютный ноль.

– Ну какая же я инструктор, – стала отнекиваться Вера, – я ведь тоже еще только учусь.

– Конечно, – почти в один голос отозвались мы с Шуркой, – вот ты уже учишься, а мы даже и не приступали к учёбе. Чему-то ты нас сможешь научить.

Тем более ты уже ходила в походы, а мы ещё ни разу.

– А что, – удивилась Вера, – вы и вправду ни разу в поход не ходили?

– Нет, – подтвердил Шурик, – ни разу.

– Да, не ходили, – я тоже поддержал Шурика. Хотя мне сразу же припомнился тот случай, когда мы всё-таки с Шуриком были в походе. Случилось это, правда, давным-давно, когда мы только-только с ним познакомились.

Пошли мы как-то в лес погулять, просто так без всякого умысла, природой полюбоваться. Благо, что лес у нас рядом, только руку протяни. Гуляли недолго, но всё-таки устали, присели на травку отдохнуть, достали по куску хлеба, который заранее припасли, и стали потихоньку, не торопясь, жевать его.

Тут кто-то из нас и говорит:

– А хорошо бы костерок разжечь.

– Да, было бы здорово, – поддержал кто-то другой.

– Плохо, что спичек нету.

А Шурка похлопал себя по карману и случайно нашёл коробок со спичками. Мы насобирали сухой травы, коры, веточек и разожгли огонь. Пока костёр разгорался, мы не переставали удивляться своему везению. Надо же, как все благополучно совпало: захотели костерок, и спички нашлись. Попали же они каким-то образом в Шуркин карман. Шурка удивлялся в пять раз больше, чем я, во-первых, потому, что карман был его, а, во-вторых, потому, что дома он к спичкам даже не прикасался. В конце концов, мы пришли к выводу, что они случайно упали из печурки и нечаянно попали в Шуркин карман, или же, что тоже правдоподобно, кто-то из взрослых по ошибке сунул спички не в свой карман, а в Шуркин.

Пока мы решали эту сложную задачу, костерок разгорелся и превратился в большой костёр и уже

перекинулся на сухую траву. Мы, понятно, испугались, но всё-таки не дрогнули, а принялись безжалостно забивать пожар ветками. Однако и огонь не собирался сдаваться, а продолжал захватывать всё новые и новые участки.

– Шурка, – закричал я, – так мы никогда этот пожар не потушим, нужна вода!

– Сам знаю, – а где её взять? Не побежим же в деревню. Давай так тушить.

Он снял с себя новенькую курточку и стал хлестать ей самые упрямые языки огня, которые пытались вырваться на свободу. И это дало положительные результаты, огонь хоть ещё и сопротивлялся, но постепенно стал угасать. Мы тоже пострадали немного, но были довольны, потому что сумели потушить лесной пожар. Если рассуждать правильно, то нам надо было бы дать по медали, потому что лесные пожары это страшное явление. В них, бывает, гибнут не только деревья, но и

животные и даже люди, которые по каким-то причинам не успевают выбраться из леса.

Мы шли домой и горячо обсуждали эту тему. Правда, чем ближе подходили к деревне, тем тревожнее становилось на душе. Родители, скорее всего, за это приключение по головке не погладят. Шурка, вон, новый костюмчик насквозь прожёт. Я свой тоже. Правда, у меня не новый, но всё равно хороший. И обидней всего, что я даже не помню, когда его скинул с себя, как-то само получилось. Увидел, что Шурка для дела костюмчик не пожалел, и сам, наверное, последовал за ним.

Дома нам, конечно же, влетело, правда, не сильно, потому что мы не сказали, кто лес поджёт, посчитали, что это не важно. Главное, что пожар мы ликвидировали, и многое что спасли.

Правда, Вере об этом приключении рассказывать было не обязательно. И мы скромно промолчали.

Глава шестая

Утром мы показали Вере записную книжку. Она быстренько просмотрела все записи и похвалила нас.

– Это вы правильно придумали план подготовки составить и список необходимых для похода вещей. Если вы не возражаете, то я возьму ваши записи с собой, дома посмотрю их внимательнее. Может быть, что-то добавлю или убавлю. А сейчас займёмся вашей подготовкой. Я предлагаю проводить занятия теоретические и практические.

– А на кой ляд нам эти теоретические, ты давай ближе к делу.

– Хорошо, – согласилась Вера, – берите палатки, я покажу, как правильно их устанавливать.

– А откуда у нас палатки? – Шурка недоумённо уставился на сестру.

– Если нет палаток, несите рюкзаки, будем учиться правильно укладывать их.

– И рюкзаков у нас нет. Ты что, Верка, издеваешься?

– Вот беда. Тогда давайте учиться ходить по азимуту. Где ваши компасы?

– Вер, – тут уже не выдержал я, – а нельзя научить чему-нибудь попроще, чтобы без палаток, рюкзаков и компасов.

– Правильно, – поддержал меня Шурик, – научи хотя бы нырять далеко. Я думаю, в походе это может пригодиться.

– Эх, лодыри, – тяжело вздохнула Вера, – как хотите. Я с удовольствием искупаюсь.

День как специально для нас выдался тёплым и солнечным. На берегу, несмотря на ранний час, собралось много народа. В основном это были ребяташки из пришкольного лагеря, которых привели наш физрук Николай Николаевич и учительница начальных классов Наталья Петровна. Николай Николаевич молча стоял на берегу и внимательно наблюдал за малышнёй, которая плескалась у берега, а Наталья Петровна бегала по берегу и

звонким голосом раздавала нужные и ненужные команды.

Мы, искупавшись, лежали на тёплом песочке, перебрасывались какими-то ненужными и даже пустыми фразами. А в основном молчали и думали о чём-то своём. И вдруг меня осенила прямо-таки гениальная мысль.

– Ребята, я придумал...

– Что ты придумал?

– Что, что... Подождите немного, позагорайте, а я сейчас.

Шурик что-то кричал вослед, но я не слушал его, потому что сердце моё стучало о грудную клетку, как дятел клювом о дерево, а голова от радости не хотела воспринимать другую информацию, кроме той, что неожиданно пришла в неё и заставила меня мчаться напрямик к нашему физруку.

– Здравствуйте, Николай Николаевич.

Учитель, увидев меня, широко улыбнулся:

– Здравствуй, Саша. Что же вы с Шуриком не ходите в лагерь? У нас интересно: кружков много, мероприятия есть диковинные, концерт готовим, как видишь, и купаться ходим.

Николай Николаевич еще долго расхваливал преимущества коллективного отдыха. Я делал вид, что внимательно слушаю его и соглашаюсь с его доводами, хотя сам был занят одним: всё выжидал, когда он позволит мне вставить хоть одно слово. Наконец это мне удалось. Николай Николаевич сделал малюсенькую паузу в своей речи, и я воспользовался ей.

– А не ходим мы с Шуриком в лагерь, потому... – я тут припомнил некоторые неприятные моменты прошлогоднего пребывания в нём. Это и дневной сон час, и каши на завтрак, и передвижение строем и кое-что ещё. – А вот если бы был у нас туристический кружок, мы бы ходили обязательно.

Николай Николаевич снова улыбнулся и развёл руки:

– Вот уж чего нет, того нет, извини. Хотя инвентарь туристический в школе имеется.

– Как имеется? – удивился и одновременно обиделся я. – Инвентарь есть, а кружка нет. Это же не правильно.

– Конечно, не правильно. Но у нас в школе нет руководителя-туриста. Сам я никогда в походы не ходил. Я, если честно, даже не знаю, как палатку поставить. Может быть, зимой полистаю специальную литературу, подучусь, подкурюсь теоретически, тогда на следующее лето и займёмся этим делом.

– Ого! – вырвалось у меня, – целый год. Мы с Шуриком не доживём до этого. А давайте...

И тут я изложил ту гениальную мысль, которая пришла ко мне, когда я нежился на тёплом песочке. Я подробно рассказал о наших мечтах, нашей подготовке и главное о том, что у нас есть свой тренер, руководитель – Шурикова сестра Вера. Она хоть и молодая, но уже два года занимается в

туристическом кружке и уже несколько раз ходила в поход.

Я видел, что мой рассказ заинтересовал Николая Николаевича:

– Хорошо, приходите завтра, познакомите меня с вашим наставником, и вместе посмотрим инвентарь. Надо ведь и с директором посоветоваться. Как ты думаешь?

– Конечно надо!

Это я уже крикнул на бегу. Мне не терпелось обрадовать друзей.

Глава седьмая

Утром, когда солнце не успело еще, как следует выглянуть из-за горизонта, мы уже сидели на школьном крылечке. Разговаривать не хотелось, потому что было не до этого: каждый тёр глаза и зевал во весь рот. Спать хотелось как никогда, но в тоже время и не хотелось. У каждого из нас в голове роились свои мысли, каждый ожидал чего-то необычного от сегодняшнего дня. Я, например, мечтал о

путешествиях, мне почему-то представлялась жизнь на необитаемом острове, хотя мы с Шуриком уже давно перестали фантазировать на эту тему. Шурик твёрдо заявил, что на наш век необитаемых островов не осталось. Я согласился с ним, и потому мы полностью отказались от подготовки к жизни в роли Робинзона Крузо. Все силы единодушно бросили на подготовку к походам по родному краю.

Когда человек думает о чём-нибудь хорошем или просто мечтает о приятном, время пролетает со скоростью бешеной собаки. Я ещё не успел толком домечтать до конца, как появился Николай Николаевич. Увидев нас, он рассмеялся.

– Вот молодцы, сразу видно, что толк из вас получится. Когда люди настойчивы и даже настырны, они много чего могут достигнуть. Ладно, хватит загорать, пойдём туристическое снаряжение на свет божий вытащим. А

то я ведь и сам не знаю, всё ли там на месте.

Он открыл входную дверь. Мы тут же просочились через неё в школу и наперегонки бросились в спортивный зал.

Туристический инвентарь лежал в дальнем углу подсобного помещения, заваленный старыми матами. Николай Николаевич отбрасывал их в сторону, а мы вытаскивали палатки, спальные мешки и рюкзаки.

– Ну вот кажется и всё, – откинув в сторону последний мат, сказал Николай Николаевич. – Теперь всё это добро надо вытащить на школьный двор. Пусть оно просохнет на солнышке.

Нам два раза повторять не надо. Мы этой минуты ждали, как нам казалось, долго, поэтому и палатки и всё остальное уже через минуту вялилось на солнце.

Вера тоже не стала терять времени даром. Она стала разворачивать палатку, осматривать её и рассказывать нам пока

ещё теоретически, как правильно устанавливать её.

– А давайте сейчас поставим палатку, – предложила она.

– Давай, – обрадовались мы.

– Только вот беда, – внезапно огорчилась она, – с палаткой в комплекте должны быть металлические колышки. А их нет. Можно, конечно, использовать и деревянные. А для этого их надо вытесать из подручного материала. А у нас ни материала, ни топорика.

– Вот видишь, – радостно воскликнул Шурик, обращаясь ко мне, – не зря я тебе говорил, что топор в походе – первое дело.

– А я помню, как ты говорил, что ножовка в походе – это тоже первое дело.

– Будет тебе старое вспоминать, спросил бы лучше у Николая Николаевича, не завалились ли эти колышки где-нибудь в спортзале.

Я засмеялся, хотел было ещё чем-нибудь уколоть Шурку, но раздумал, что зря время терять.

Злополучные колышки мы всё-таки обнаружили, правда, не там, где лежали палатки, а на полке, где хранился спортивный инвентарь, диски, гранаты, ядра и прочая мелочь.

С помощью Веры мы с Шуриком установили палатку в центре школьного двора минут за тридцать. Мы думали, что Вера похвалит нас за отличную работу, но она сказала, что такой результат никуда не годится, и поэтому сегодня мы будем отрабатывать технику установки палатки.

А в это время на пришкольный участок стали подходить ребята. И каждый из них считал первой своей необходимостью подойти к палатке и спросить у нас:

– А что вы тут делаете?

Мы с Шуриком популярно объясняли, что при нашей школе организуется туристический кружок, все,

кто будет успешно и регулярно заниматься, уже через месяц пойдёт в поход.

– А куда? – спрашивали они.

– Это мы ещё не решили, но обязательно с ночёвкой. В школе есть две палатки, в каждой из них может разместиться пять-шесть человек. Так что в кружок могут ходить 14 человек. Это ответила им Вера. Кто-то из наиболее продвинутых мальчишек засмеялся:

– Здорово вы считаете. Если в палатку входит шесть человек, а палаток две, то и надо всего 12 человек.

– Нет не так, – снова серьёзно стала объяснять Вера, – два человека – это дежурные, они всегда находятся вне палаток: сторожат сон друзей ночью, а днём собирают дрова, готовят обед, моют посуду и делают ещё много других нужных дел.

Я не вмешивался в эти разговоры, но краем уха услышал, как один

мальчик, указывая взглядом на Веру, спросил у Шурика:

– А это что за девчонка, она кто будет?

– Она? – Шурик улыбнулся, – это руководитель нашего туристического кружка, а зовут её Вера Васильевна.

– Так ведь она ещё совсем молодая.

– Ну и что? Зато очень опытная, знающая и умелая. Кстати, Николай Николаевич дал Саше тетрадь, в которую он будет записывать всех желающих заниматься в кружке.

Я не успел и глазом моргнуть, как ко мне выстроилась большая очередь желающих, правда, я записывал не всех, а только учеников седьмых классов. Пришлось также приписать и двух девчонок из шестого, потому что девчонки из седьмого почему-то заниматься туризмом наотрез отказались. Я только потом понял, что это, скорее всего, из-за нежелания подчиняться молоденькой девочке, практически их ровеснице.

С этого дня наша небольшая группа любителей путешествий начала усиленные занятия. Каждый день мы собирались вместе и учились всему, что надо было знать и уметь в походе.

Глава восьмая

Вера Васильевна (на занятиях мы не договариваясь, решили звать её только так, а дома уж как у кого повелось) уже на второй день озвучила план занятий. За 20-25 дней мы должны научиться устанавливать палатки, разжигать костёр, ориентироваться на местности (ходить по азимуту) и пользоваться компасом, оказывать первую медицинскую помощь, в том числе переносить пострадавших, преодолевать различные препятствия, вязать узлы и много ещё чего.

Ставить палатки мы научились быстро. Любая пятёрка управлялась с этим заданием быстрее, чем за 10 минут. С кострами тоже проблем не было. Хотя в природе существует десяток разных

видов костров, мы все дружно решили, что для нас достаточно знать только «шалаш», «колодец» и «звёздный». А если кому-нибудь захочется побольше узнать о других видах, пусть читает специальную литературу. Лишние знания никому ещё не навредили.

Вера оказалась жёстким учителем, у неё было всего две отметки – «хорошо» и «плохо». Она свою позицию объяснила на первом же занятии:

– Ребята, вы не обижайтесь, но тройки ставить я не буду. В походе должны быть только знающие люди. Представьте себе, что ваш товарищ получил серьёзную травму, истекает кровью или может от боли войти в шоковое состояние. А у вас знания на тройку. Вы что-то знаете, а что-то нет. Пока вы раздумываете, пока пытаетесь вспомнить недополученные знания, ваш товарищ может умереть. А ещё представьте, что человек, получивший травму, это вы. Захочется вам умирать из-за того, что ваш товарищ пошёл в

поход неподготовленным. Я считаю, что троечников в поход ни в коем случае брать нельзя.

С ней согласились все, но назавтра на занятия многие не пришли. Нас осталось всего 12 человек, считая и Веру.

Через десять дней Вера сказала:

– Завтра мы пойдём в первый тренировочный поход.

– Ура, – закричали мы, даже не дослушав её.

– Не шумите, – строго сказала она, – и не очень-то радуйтесь. Этот поход рассчитан на четыре часа, пройти мы должны не более двух километров.

– Фу, – завозмущались мы, – что это за поход. Мы и без похода целыми днями в лесу гуляем.

– Не путайте одно с другим. Во-первых, мы проверим все полученные вами знания, во-вторых, проведём соревнования и выясним, готовы вы к серьёзным испытаниям или нет. Нас двенадцать человек, или две команды по

шесть. Предлагаю главным в одной команде назначить Сашу, а в другой - Шуру. Я согласна быть рядовым туристом в любой из команд. Разделились мы быстро. Ко мне записались все мальчишки, а Шурику достались девочки.

Они серьёзно возмутились, так что во всём пришлось снова разбираться Вере.

– Мальчики, – сказала она, – вы серьёзно решили победить девочек?

– А что? – возмутился Витька Петров, – раз они идут в поход, то пусть будут наравне со всеми.

– Я согласна, – отозвалась Вера, – девочки должны быть сильными, но ни одна из них не сможет стать такой как ты или другие мальчики. Если, например, у вас кто-то из мальчиков не сможет идти сам, вывихнет ногу, например, вы его возьмёте на руки и унесёте хоть за тысячу вёрст. А девочки, смогут ли унести свою больную подругу? Я думаю, нет. Поэтому вы

должныделиться так, чтобы и мальчиков и девочек в каждой команде было поровну.

Конечно, без разногласий не обошлось, но, в конце концов, команды были укомплектованы. Вера вошла в мою команду, что вызвало самые жаркие споры. Особенно долго возмущался Шурка, но Вера – молодец быстро его успокоила.

– Мы, Шура, с тобой родственники, – сказала она, – а значит должны быть в разных командах, чтобы не было никаких недоразумений.

Шурка ещё поворчал немного, но через несколько минут и он успокоился. Надо было расходиться по домам и самостоятельно готовиться к походу. Таково было первое условие, которое выдвинула Вера. Утром каждый турист будет показывать свой рюкзак, чтобы все проверили укомплектованность рюкзака и правильность укладки вещей. А второе условие заключалось в том, чтобы каждый из нас оделся и обулся

согласно сезону и предстоящей погоде. Казалось бы, всё это мелочи, а на самом деле успех похода складывается из таких вот мелочей. Кто-то забудет кружку, другой не возьмёт запасное бельё, третий – не положит в рюкзак ложку или ещё что-нибудь по мелочам – вот и возникнут проблемы, из-за которых может сорваться весь поход.

Думаете всё это чепуха? Да нет. Представьте себе, забыл какой-то растяпа кружку. На привале все пьют чай, а он сидит, облизывается. Конечно, кто-нибудь даст ему кружку после того, как сам напьётся чая. Он будет пить, а весь отряд ждать, когда он встанет от костра, помоеет кружку и вернёт её хозяину, а тот уложит в свой рюкзак. Это сколько же времени мы потеряем из-за халатности одного. Ещё хуже, если этот растяпа забудет ложку. А если неправильно уложит рюкзак, то тут и вовсе может трагедия произойти. Уложит поближе к спине не мягкие вещи, а кружку, какие-нибудь железки

или деревяшки и после первого же перехода так набьёт спину, что уже не сможет самостоятельно нести груз. Придётся за него работать другим.

То же самое и с одеждой. На улице 30 градусов тепла, жара, духота, а он вырядится в зимние ботинки, натянет комбинезон и будет потом весь день ныть да стонать. Так что здесь тоже надо иметь соображение.

Весь вечер я готовился к походу, вроде бы всё собрал, уложил в рюкзак необходимые вещи и решил сбегать к Шурику, узнать, собрались ли они с Верой. Но как только я зашёл к ним во двор, Шурка закричал на меня, иди, мол, домой. Мы ведь решили собираться самостоятельно. Я даже не смотрел, как Верка собирается.

– Хорошо, – сказал я в ответ на Шуркин выпад, – пойду, делайте, что хотите.

Глава девятая

Наш первый поход прошёл без особых приключений. Были, правда, кое-какие шероховатости, но они, скорее всего, не помешали нам, а наоборот способствовали улучшению нашего настроения и вообще настроя на успех.

Как только мы собрались в школьном дворе, Вера приказала открыть рюкзаки и показать их содержимое, быстренько проверила укладку и осталась, в общем-то, довольна. Единственное существенное замечание в адрес нас, туристов, заключалось в том, что никто не догадался взять котелок.

– Молодцы, – серьёзно сказала Вера, глядя на нас с Шуркой, – вы же командиры отрядов, а почему не побеспокоились о котелках? В чём ваши ребята будут кипятить воду для чая? Надо исправить свой промах.

– Исправим, – с досадой ответил я и тут же попросил ребят поднять руки, у кого дома есть котелок.

Отозвались четверо. Ближе всех к школе живёт Вера Васюра. Она и побежала сломя голову домой, а минут через пять вернулась с увесистым чугунным котелком, в котором хозяйки обычно готовят плов.

– Верка, – закричали мальчишки, – ты с ума сошла, мы же его и впятером не утащим.

– Я же дотащила до школы, не надорвалась.

– Не обижайся, Вера, – успокоила её вторая Вера, наш руководитель, – ничего страшного не случилось, не рассчитала немного. Сейчас мальчики помогут тебе унести его обратно.

Мишка и Колька подхватили его и бегом помчались к Верину дому. С ними же побежал домой и Толик Серeda, он пообещал принести настоящий котелок. Котелок, в самом деле, оказался настоящим, правда, у него дужка, за которую его можно было бы повесить над костром, почему-то отсутствовала.

– Это не беда, – авторитетно заявил Толик, – душку я вмиг сделаю из проволоки.

И действительно он отлучился на одну минуту и вернулся с куском толстой проволоки. Когда котелок был отремонтирован, мы дружно двинулись в сторону леса.

Сначала мы шли молча, вернее, смеясь и болтая друг с другом о всяких пустяках. А потом Вера предложила:

– А давайте, друзья, споём песню. С песней идти веселей и легче. Недаром же солдаты ходят в строю с песней.

Мы согласились, но долго не могли решить, какую песню спеть. Девчонки предложили какую-то девчоночью, а мальчишки отказались от неё и стали требовать «красных кавалеристов». В конце концов, спели и ту и другую и ещё несколько песен. Мальчишки вначале немного стеснялись, а потом кричали в три горла так, что девчонок не стало слышно.

План похода был несложный. Нам предстояло пройти два-три километра, разбить лагерь, для чего установить две палатки, подготовить место для костра, развести его, используя всего одну спичку, и приготовить обед из двух блюд – первое и второе.

О том как мы соревновались, я рассказывать не стану, потому что все оказалось предсказуемым: победителей ко всеобщей радости выявить не удалось. Победили все, потому что каждый из нас знал своё место и делал своё дело. Вера на это сказала:

– Всё у нас получилось и это здорово, а на будущее вы должны заранее наметить, кто будет брать котелок, кто верёвку, кто нитки с иглой, а кто аптечку. Каждому туристу брать эти вещи не обязательно, а по одному комплекту на группу иметь надо, чтобы больше не повторилось сегодняшнее недоразумение с котелком.

А потом мы сидели у костра, пели песни, рассказывали разные истории и

пили чай. Заварку мы с собой не брали, чай со смородиновым листом оказался намного вкуснее заморского напитка.

Кто-то из ребят спросил:

– А скажи, Вера, кто придумал туристический кружок?

– Не знаю, наверное, какой-нибудь великий человек.

– Нет, не вообще, а у нас, в Суминке.

– А у нас Саша и Шура. Не хотите, - она обратилась к нам, - рассказать друзьям с чего всё это начиналось?

Нам скрывать от ребят нечего, поэтому мы честно рассказали и о записной книжке, и о нашем желании попасть на необитаемый остров и научиться на нём выживать.

– А потом, – заключил наш рассказ Шура, – мы поняли, что на необитаемый остров никогда в жизни не попадём, поэтому решили готовиться к походу по нашему краю. И это оказалось намного интересней, чем жить вдаль от людей. А тут, кстати, в гости приехала Вера

Васильевна, она уже ходила в походы в своей Ростовской области и вот кое-чему научила и нас и вас.

Вера рассмеялась, выслушав Шурку:

– Ты уж, Шура, пожалуйста, не преувеличивай. Вы с Сашей – отцы основатели, а я просто ваша попутчица. А теперь о главном. Завтра к нам на занятие придёт Николай Николаевич. У него будет важное сообщение, так что явка на занятия обязательна.

Лучше бы она не говорила этого, потому что все кружковцы стали задавать Вере вопросы, большая часть которых, на мой взгляд, были глупыми. Ну откуда Вера знает, что он нам скажет или когда мы пойдём в большой поход и куда пойдём. Шум поднялся такой, что мы с Шуркой были вынуждены отдать приказ о построении, свёртывании лагеря. Сегодняшний поход завершился, пора отдыхать. Завтрашний день должен быть тоже интересным.

Глава десятая

И правда, назавтра действительно выдался интересный день. С утра мы обсудили вчерашний поход, поговорили о том, о сём. А потом пришёл Николай Николаевич и принёс нам хорошую, а если быть точнее, замечательную, долгожданную новость. Мы даже и не думали, что всё случится так скоро.

– Ребята, – сказал он, – сегодня вторник, а в пятницу мы отправляемся в большой поход.

– А куда, куда? – закричали все в один голос.

– Не шумите, – Николай Николаевич поднял руку, – сейчас я вам всё по порядку объясню. Вы меня внимательно выслушайте, а потом можете задавать вопросы.

Итак, в поход пойдут двенадцать кружковцев, все, кто вчера принял участие в походе и соревнованиях, а также трое взрослых: я, папа Веры Васюры, он как вы знаете, хороший спортсмен и умелый во всех отношениях

человек, а также ваша учитель по биологии Анна Павловна. Она тоже любит спорт и хорошо знает природу нашего края. По этому пункту у вас возражения будут?

– Нет, – дружно закричали мы.

– Все кружковцы, – продолжил Николай Николаевич, – не позднее, чем завтра должны принести и отдать Вере Васильевне письменные согласия от родителей. Без письменного подтверждения брать вас в поход я не имею права. Ясно?

– Ясно, – снова крикнули мы, правда без особого энтузиазма, потому что кое-кто подумал, что придётся разговаривать с родителями по-взрослому.

– В походе мы будем четыре дня, – снова начал говорить Николай Николаевич. – Конечный пункт нашего путешествия посёлок городского типа Рябухино. Вы знаете, что он находится на другой стороне озера, которое можно переплыть или обойти стороной. Я

предлагаю часть пути пройти пешком, а часть проплыть на лодках. Я набросал схему нашего путешествия, – он достал из кармана тетрадный листок, положил его себе на колено и стал показывать нам. – Вот смотрите, в 8 часов утра в пятницу мы выходим из нашей родной Суминки и идём по берегу реки до Мышкино. Это всего четыре километра. Там отдыхаем, обедаем и отправляемся в райцентр Крутиху. Это ещё шесть километров. Здесь мы останавливаемся на первую ночёвку. Ночевать будем в местной школе.

– А почему не в палатках? – стали возмущаться мы.

– Не шумите, – выслушав наши возражения, ответил Николай Николаевич. – Всему своё время. В Крутиху мы придём поздно и устраивать палаточный лагерь будет некогда, да и подустанете вы. Тем более, назавтра предстоит тяжёлый день. Мы пойдём в Рябухино на лодках. Хоть вы все и

умеете грести, но пройти за один день восемь километров непросто.

А вот в Рябухино мы остановимся на берегу озера и заночуем в палатках. Кстати, о лодках. Я вчера был в Крутихе и договорился насчёт лодок на лодочной станции. Нам дают на два дня четыре штуки.

Не знаю, может быть, я что-то упустил, так вы не стесняйтесь, задавайте вопросы, а я постараюсь ответить на них. Кроме того, у вас в запасе двое суток на подготовку. Если что-то будет волновать вас, что-то будет непонятно, обращайтесь к Вере Васильевне, она вам поможет, а если не сможет, то приходите ко мне домой. А теперь, Вера Васильевна, возьмите схему похода и внимательно изучите с ребятами.

Тут он передал листок бумаги в руки Вере и попрощался с нами.

Внимательно никто этот план изучать не стал, а просто все заботы

свалили со своих плеч на Веру. Пусть, мол, она сама всем этим занимается.

– Хорошо, – сказала Вера, – я дома изучу маршрут, а если мне что-то будет не ясно, думаю, Саша и Шура помогут. А теперь всем пора по домам. Сегодня вы должны собрать письменные разрешения от родителей и в основном подготовиться к походу. Я предлагаю завтра ещё раз собраться на школьном дворе и окончательно обговорить нашу готовность.

распространённым сорняком. Она встречается на полях и огородах, растёт вдоль дорог, возле мусорных куч. Её даже животные обходят стороной, но вот маленькие дети иногда по незнанию едят её семена, принимая их за семена мака, тем более, что её семена сладкие. Отравления беленой очень тяжёлые и нередко приводят ребёнка к смерти. Вам всё ясно?

– Ясно, – дружно кричали мы и снова принимались за свои дела.

Так не спеша, но довольно таки быстро мы добрались до соседнего села Мышкино. Мы решили пообедать в местной столовой, отдохнуть за околицей на берегу реки полчаса или час и шагать дальше к цели нашего сегодняшнего путешествия, нашего райцентра – посёлка Крутиха.

Надо признаться, что после обеда и отдыха мы немного расслабились. Вся наша весёлость постепенно стала куда-то уходить, а усталость и тяжесть в ногах по мере нашего приближения к

Крутихе всё чаще напоминали о себе. Особенно допекала жара. Солнце палило так, словно собиралось сделать из нас шашлык. Правда ребята не жаловались, а только тяжело отдувались и кулаками вытирали потные лбы.

Но как бы то ни было в Крутиху мы всё-таки пришли. Ночевать остановились в местной школе, где в двух классах были сдвинуты в стороны столы, а на полу разостланы спортивные маты. В столовую решили не ходить, а обойтись сухим пайком. Солнце ещё вовсю разбойничало на небосводе, а мы уже попадали на маты. Однако быстро уснуть не получилось. Несмотря на распахнутые настежь окна, в классах было душно. Не знаю когда, но уже в потёмках, я, наконец, отключился и крепко уснул.

Глава двенадцатая

На лодочную станцию мы пришли к девяти утра. Казалось бы, солнце едва выбралось из-за горизонта, а зной уже

расползлся по всем улочкам и закоулочкам, обжигая деревья, цветы, бездомных собак и кошек, ну и конечно нас, людей. Особенно, как мне казалось, бедных уставших и не выспавшихся туристов.

Анна Павловна, как я нечаянно подслушал вечером, говорила Николаю Николаевичу:

– Мне кажется, мы рано пошли в пятидневный поход. Не все ребята физически готовы к таким испытаниям. Видите, почти все из них раскисли.

– Ничего, ничего, – рассмеялся в ответ Николай Николаевич, – именно этот поход укрепит их, поможет развиться физически и закалить волю. Тем более, завтра мы поплывём вниз по течению, торопиться нам некуда. Как только заплывём в озеро, сможем вдоволь отдохнуть, искупаться, порыбачить. А там смотришь, разобьём на берегу лагерь, наварим ухи, будем сидеть у костра, петь песни и рассказывать байки. И весь следующий

день полностью посвятим отдыху на природе. Так что, Анна Павловна, не беспокойтесь, назад пойдём, хорошо отдохнув и набравшись массы приятных впечатлений.

Пока Николай Николаевич разговаривал с лодочником, подписывал какие-то документы, мы успели осмотреть лодки. Они были почти новенькие, с высокими бортами, выкрашенными в зелёный цвет, спереди скамья, или, как называют её наши рыбаки, банка, для гребца, сзади – для пассажиров. В каждой лодке пара вёсел, тоже выкрашенных в зелёный цвет.

Лодки для наших ребят, в том числе и для нас с Шуркой, не новость. Все мы выросли на речке, каждый, даже девчонки, могли грести и управлять лодками.

Закончив свои дела, Николай Николаевич подошёл к нам.

– Друзья, – сказал он, – вот эти четыре крайние лодки – наши. В каждую из них усаживается по три человека. Я

как руководитель нашего похода, беру на себя право назначения экипажа на каждую лодку. Итак, слушайте и не говорите, что не услышали. Капитанами будут: в первой лодке я, во второй – Анна Павловна, в третьей – Вера Васильевна и в четвёртой – Иван Семёнович Васюра. Возражений нет?

– Нет, – дружно отозвались мы.

– А теперь об экипажах. Со мной поплывут Маша Семёнова и Коля Марченко, с Анной Павловной – Толик Середа и Оля Маслова, в третьей лодке – Саша и Шура, в четвёртой Вера Васюра и Миша Семёнов. Жалко, но Серёжу Фомина, Галю Сидорову и Витю Петрова не отпустили родители. Предупреждаю сразу: плывём друг за другом в порядке номеров, запрещается устраивать гонки, обгонять друг друга, прыгать за борт рыбачить и пить воду из-за борта. Грести будем по очереди: и мальчики, и девочки, и капитаны. Разрешается в свободное от гребли время любоваться природой, петь песни,

рассказывать стихи и разные истории. Как только заплывём в озеро, сделаем привал на воде и пообедаем сухими пайками. Ближе к противоположному берегу искупаемся и порыбачим. А на берегу разобьём палаточный лагерь, разведём костёр, наварим ухи и до полуночи будем сидеть у костра. Идёт?

– Идёт! Ура! – закричали мы во всю мощь своих глоток и кинулись занимать места в лодках.

Каждый старался занять место на первой скамье, чтобы первым поработать вёслами. Но Николай Николаевич всё расставил по своим местам:

– Первыми за весла садятся капитаны, они выводят лодки на середину реки. Они же устанавливают очередь и строго следят за её исполнением.

Река наша равнинная, течение медленное, на глаз почти незаметное, поэтому чтобы спуститься вниз к озеру, надо хорошо поработать вёслами. Вера уступила вёсла мне, я передал их Шурке,

затем снова гребла Вера. После третьей или четвёртой смены почувствовалась лёгкая усталость, но никто не сказал об этом, я тоже промолчал.

Сначала мы болтали на разные темы, потом разговоры стали умолкать и мы в свободную смену больше глядели по сторонам, так сказать, любовались природой. По берегам стоял густой лес, в основном здесь царствовали берёзы, ивняк, но нередко к самой воде подступали могучие вековые сосны.

Чем дальше уплывали мы, тем яростнее обжигало нас солнце. Больше всего хотелось прыгнуть за борт и поплескаться в прохладе сверкающей солнечными бликами воде. Однако каждый помнил наказ Николая Николаевича, и всё, что мы позволяли себе, это время от времени смачивать головы и плечи.

Солнце стояло высоко над нами, когда мы, наконец, достигли устья. Первая лодка остановилась, и Николай

Николаевич зычным голосом
скомандовал:

– Сушить вёсла.

Это означало, вытащить вёсла из воды, уложить их на дно лодок, собраться всем вместе. Намечался часовой отдых и лёгкий обед.

Во время обеда Шурка заметил:

– Смотрите, вон на горизонте облачко показалось, может, дождичек пройдёт.

– Хоть бы уж, – тяжело выдохнула Анна Павловна.

Она, как мне показалось, сильнее всех страдала от жары, хотя возможно, мне это только показалось. Просто я видел, что её глаза за очками заливал пот, и она была вынуждена раз за разом снимать их, чтобы вытереть платком глаза и обтереть раскрасневшееся, как после бани, лицо.

К концу обеда облачко разрослось и уже заняло добрую треть неба. Мы радовались, всё и в самом деле шло к перемене погоды. Дождя ждали не

только мы, но и вся природа, изнывающая от жажды под обжигающими солнечными лучами.

Как только наша эскадрилья всплыла в озеро, дунул лёгкий приятный ветерок, сразу же принеший своим нежным прикосновением облегчение нашим измученным зноем телам.

Глава тринадцатая

Мы гребли не торопясь. Спешить было некуда, времени оставалось много, можно было и отдохнуть, и покупаться, и порыбачить. Николай Николаевич тоже, наверное, так подумал, и потому приказал «сушить вёсла». Два раза повторять команду ему не пришлось. Мы с Шуркой тоже быстренько разделись и уже приготовились сигануть за борт, но задержались, потому что Вера, по всему видно, не собиралась купаться.

— А ты что сидишь, — удивились мы, — тебе особое приглашение нужно?

Вера посмотрела на нас, как на маленьких детей, и с укоризной покачала головой.

– Вы что вправду не понимаете или бестолковыми прикидываетесь? Разве можно всем разом покидать лодку?

– Да что с ней случится, что у нас шторм на море? – в тон ей ответил Шурка.

А я подумал: «Скорей всего, Вера права», а вслух добавил:

– Ладно, вы купайтесь вдвоём, а я посижу в лодке.

Шурик попытался было что-то возразить, но я перебил его:

– Купайтесь, купайтесь, я ещё успею, день длинный. Кстати, между делом удочки настрою.

Пока мы разбирались со своими проблемами, никто и не заметил, что маленькое облачко уже превратилось в огромную тёмную тучу, которая реально была готова закрыть солнце. Прошло ещё несколько минут, и свои грозные намерения она исполнила: скрыла

солнце от глаз людских. Но на этом она свои захватнические намерения не прекратила, а наоборот, усилила натиск на голубизну неба.

Правда, нас это нисколько не расстроило: во-первых, мы думали отдохнуть от сумасшедшей жары под тёплым летним дождиком; во-вторых, надеялись по серьёзному порыбачить, потому что во время дождя должен быть классный клёв.

Шурка с Верой уже вылезли из воды, я подготовил удочки, и в этот самый миг дунул ветер, сначала небольшой, потом всё сильнее и сильнее. Николай Николаевич отдал приказ, всем собраться в лодках и продолжить движение к месту назначения. А ветер всё усиливался и усиливался, пошёл дождь, загрел гром, засверкали молнии. Что произошло потом, я не могу описать. Это было что-то ужасное, туча упала на озеро, скрыв от нас даже ближайшие лодки, дождь перешёл в ливень. Он не

только превращал белый свет во мрак, заливая нам глаза, но не позволял даже вдохнуть полной грудью воздух. А ветер, нет, это уже был не ветер, а самый настоящий ураган. На озере разыгралась буря!

Жаль, что писатель из меня никудышный, мне даже слов не хватает, чтобы описать этот разгул стихии и все наши страхи и переживания. Я сидел и мучился над этими строками, пока не вспомнил, что что-то подобное я уже где-то читал. Ну, да, у Пушкина в «Капитанской дочке». Я открыл книгу, вот это место. Пушкин описывает, как Гринёв попал в пургу и что из этого вышло. Если вы в пушкинское описание вместо «снег» вставите «дождь», а вместо «метель» – «буря», вместо «лошадей» – «лодку», то вы сразу же поймёте, в какой ситуации оказались мы. *«Ветер между тем час от часу становился сильнее, - писал Александр Сергеевич. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело*

подымалась, росла, и постепенно облегла небо. Пошел мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Всё исчезло. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом – и скоро стали».

Правда, у Пушкина лошади встали, а нашу лодку несло неизвестно куда, волны перехлёстывали через край, грозя полностью захлестнуть её.

– Шурка, – немного придя в себя, закричал я, – поворачивай лодку носом к ветру, а то её может перевернуть.

Я прочёл много книг о морских путешествиях и точно знал, что опытные моряки никогда не подставляют борт волне, а ещё в моём мозгу пробежало много ненужных мыслей, вычитанных в тех книгах. Ну, например, как погасить волны с помощью масла, или когда надо

рубить мачты во время шторма. Шурик был на вёслах, он и сам уже начал поворачивать лодку, налегая на левое весло. Я кинулся к нему, чтобы перехватить правое, не нужное при этом маневре, но не успел. Бешеный порыв ветра подхватил его, сломал словно спичку. Оторванная лопасть описала какую-то замысловатую дугу, ударила Веру, сбила её с банки и улетела в озеро. Рукоятку весла тоже вырвало из уключины. К моему ужасу она пролетела мимо меня и своим изломом впиалась Вере в ногу. Когда я подполз к ней, она лежала без сознания, из страшной раны в ноге струёй била кровь.

Глава четырнадцатая

Всё это произошло так стремительно и неожиданно, что я на какое-то мгновение впал в ступор. Не скрою: я смертельно испугался, потому что подумал, будто с Верой произошло что-то ужасное. Я даже сейчас не хочу упоминать то страшное слово, которое в

первую же секунду пришло мне в голову. Я что-то кричал, плакал и совершенно ничего не соображал. Но уже через мгновение я вспомнил, чему нас всё время учила Вера: первым делом надо остановить кровотечение, а для этого правильно наложить жгут. К сожалению, жгута под рукой не было, он находился в рюкзаке у Анны Павловны. Мы почему-то не предусмотрели такую ситуацию. Все были уверены, что наши пути никогда не разойдутся, а поэтому нужды в нескольких аптечках не было.

Рана казалась большой и страшной, с рваными краями. Я старался не смотреть на неё и видел только вытекающую из неё кровь. «Жгут можно сделать из любого подручного материала, – пронеслось в моей голове, – конечно можно, для этого подойдёт моя майка». Я быстро скинул её, разорвал пополам, одну половину скрутил и начал перетягивать Верину ногу выше раны, кровь постепенно, как бы нехотя, стала замедлять свой бег и, наконец, вовсе

остановилась. Второй половиной майки я очень аккуратно прикрыл рану. Вера не подавала признаков жизни, а я не знал, что делают в этом случае. Правда потом догадался проверить пульс: я взял её руку и с радостью почувствовал, что сердце бьётся, значит, живая.

– Шурка, – сквозь вой ветра и шум волн позвал я друга, – иди к Вере, а я сяду на весло. Ты уже, наверное, измучился.

Я промолчал о том, что лучше уж мучиться с этим веслом день и ночь, чем наблюдать за страданиями закадычного друга, не зная, чем можно помочь ему.

А ветер и дождь не стихали, высокие волны кидали лодку из стороны в сторону, грозя каждую секунду перевернуть её. Честное слово, я не боялся за себя или Шурку, если бы Вера была здорова, я бы не боялся и за неё. Втроём, я думаю, мы сумели бы выбраться на берег даже в самую дурную погоду.

И вдруг в самую последнюю секунду этих размышлений я почувствовал, что лодка затормозила свой бег. Я оглянулся и с радостью понял, что мы въехали в прибрежные заросли камыша. Весло уже спокойно доставало дна и, воспользовавшись им, как шестом, я погнал лодку дальше всё ближе и ближе к берегу. Правда, далеко продвинуться не удалось, путь преградили настоящие дебри прибрежной растительности. Но это нас всерьёз не расстроило, теперь-то мы были уверены, что по любому доберёмся до берега.

Шурка прыгнул в воду:

– Здесь уже не глубоко. Надо протоптать тропинку, чтобы перенести Веру на берег.

Я тоже хотел прыгнуть за ним, но Шурик прикрикнул на меня:

– Останься с Верой, я и без тебя протопчу.

– Ты что, Шурка, вдвоём быстрее.

– Оставайся с Верой, а вдруг что-нибудь случится. Он махнул рукой и пошагал прочь, ломая руками и ногами камышовые заросли. В другое время я бы обязательно сказал ему, что он пробирается сквозь чащу, как толстопузый бегемот.

– Саша, – услышал я слабый еле уловимый девичий голосок.

– Вера, Вера, – обрадовался я, – это ты? – Я повернулся к ней. Она всё ещё лежала с закрытыми глазами, но губы слегка, чуть заметно в этой проклятой мгле, шевелились. Я понял, что она что-то хочет сказать.

– Вера, – я наклонился к ней, ты помолчи, не говори, не теряй силы. Лодку уже прибило к берегу. Сейчас Шурик протопчет тропинку, и мы перенесём тебя туда. Не знаю, слышала ли она меня, но мне всё равно хотелось говорить ей самые хорошие слова, что бы обнадёжить, вдохнуть в неё новые силы, которые помогли бы бороться с недугом.

Усталый, но довольный вернулся Шурик.

– Берег тут недалеко, метров двадцать или тридцать, дорогу я проломал, что надо. Как Вера?

– По-моему, пришла в себя.

– Ну, слава богу, – он говорил солидно, сознавая, что ребячеству в настоящей ситуации нет места. Мы с ним понимали, что, несмотря на то, что мы победили стихию, ещё не всё кончено. У нас на руках был тяжело раненый товарищ, которого надо без промедлений доставить в больницу. Как это сделать, ни он, ни я ещё не знали.

Глава пятнадцатая

Мы выбрались на берег и решили заночевать на месте, чтобы утром, разобраться в обстановке, и определиться с дальнейшими действиями. У нас было два варианта. Первый – плыть на лодке вдоль берега, пока не встретим кого-нибудь из своих или пока не доберёмся до Рябухино.

Второй – на случай, если непогода не уляжется. Кто-нибудь один должен пойти, а лучше побежать вдоль берега, за помощью.

В наших вещмешках были спальные мешки и чистая одежда. Я занялся Вериной ногой, ослабил жгут, кровь почти не сочилась.

– Ну вот и хорошо, – негромко проворчал я, – сейчас наложим чистую повязку. Я оторвал от своей рубашки широкую полосу ткани и закрыл страшную рану. А потом мы наломали целую кучу камыша и устроили из неё лежанку. На неё постелили один спальник и уже на него уложили нашу больную, прикрыв от дождя и ветра вторым. Сами, укрывшись третьим мешком, остались сидеть рядом с ней.

Однако усталость сделала своё дело. Несмотря на дождь и ночную прохладу мы с Шуриком всё-таки задремали. В какой момент это произошло, я не заметил. Но когда я открыл глаза, дождь уже прекратился,

ветер утих, а из-за горизонта медленно выползло огромное тёплое солнце. Я поглядел на Веру, она лежала с открытыми глазами. Лицо её было спокойно, хотя гримаса боли оставила нѐм след.

– Вера, – тихо позвал её я, – как ты себя чувствуешь?

Она скривила губы:

– Хорошо, только уж очень больно.

– Потерпи немного, сейчас мы перенесѐм тебя в лодку и поплывѐм к нашим или в Рябухино. Там у них хорошая больница. Шурик, – толкнул я друга в бок, – хватит спать, бери спальники и дуй к лодке, расстели их на дне, а потом пулей сюда, перенесѐм Веру.

Шурик – молодец, возражать не стал, подхватил оба спальника, наш и тот, которым укрывалась Вера, и ломанул сквозь заросли. Прошло минут десять, а Шурка не появлялся. Я стал нервничать: «Уснул он там, что ли? За

смертью только посылать». Прошло ещё несколько минут, и Шурка всё-таки явился с открытым ртом и выпученными глазами.

– Сашка, – закричал он, – а лодки-то нету, я всё осмотрел, как в воду канула.

– Не сочиняй, куда она могла подеваться из камышей, ты, наверное, спросонок не там глядел. Ну-ка посиди с Верой, я быстро.

И я побежал сам, надеясь найти лодку, хотя в душе не верил в это. Я знал, что Шурик не дурак, и уж если он не нашёл, то и я, скорее всего, тоже. Место, где мы причалили лодку, я нашёл сразу, но вид этого места подсказывал, что налетевший в какое-то время сильный порыв ветра вырвал её из камышей и унёс в неизвестном направлении. Так это было или нет, я не знал, но посоветовавшись, мы все трое признали такую возможность за действительность.

– Да шут с ней с этой лодкой, – попытался успокоить нас Шурик, – и без неё выберемся. Вы сидите здесь, а я за час или два добегу до Рябухино.

– Хорошо, Шурик, не рассиживайся, поднимайся и вперёд.

– Да я и не сижу, – Шурик поднялся, повертел головой по сторонам, – только я не знаю куда бежать.

– На север, – чуть слышно сказала Вера, – возьми мой компас.

Она протянула левую руку, на которой вместо часов был нацеплен компас. Шурик быстро снял его, положил себе на ладонь и начал определяться.

– Так, – он долго смотрел на компас, а потом, видимо, сообразив, указал пальцем на самые густые заросли камыша, – мне туда.

Через секунду он исчез в них, а ещё через минуту вернулся обратно.

– Ты почему вернулся?

– А там вода.

– Какая вода?

– Озеро. Надо, наверное, в другую сторону.

И он рванул на восток, но и там оказалось озеро. Ни слова не говоря он метнулся в сторону юга. Вернувшись оттуда, он, понутив голову, сел рядом с нами:

– Хотите верьте – хотите нет, но мы на острове, – потом, помолчав, добавил, – на необитаемом.

Глава шестнадцатая

– Не расстраивайтесь, ребята, – голос Веры уже стал заметно твёрже, – даже если мы на необитаемом острове, всё равно к вечеру нас обязательно отыщут. Мы ведь не в море-океане, наше озеро в сравнении с ним лохань с водой.

– Так-то оно так, – отозвался Шурик, – но на карте Николая Николаевича никакого острова нет.

– Ну и что, – вмешался я, – он его специально не обозначил. Наш маршрут и близко с ним не пролегал. Но всё это

ни о чём не говорит. На карте, может быть, и не обозначен, но местные рыбаки и охотники обязательно о нём знают. Не образовался ведь этот остров вчера.

– Давайте ждать. И не будем отчаиваться, – сказала Вера.

«Вот это девчонка, – подумал я, – тут бы и здоровый мужик не выдержал, изнылся, а она лежит без движения и ещё нас успокаивает».

– Может быть, костёр разведём, – предложил я.

Шурик только вздохнул:

– Я и сам об этом думал, спички есть, не намокли, а вот поджигать нечего. Кругом только сырой камыш, ни одной веточки, ни одной палочки. Надо подождать, когда камыш просохнет. Вер, ты хочешь есть?

– Пока нет, – чуть слышно ответила она и прикрыла глаза, давая, по-видимому, нам понять, что разговор на эту тему закончен.

– А что у нас есть? – это уже я к Шурке.

– Немного. У меня банка консервов и немного размокших конфет, у Веры пачка печенья, тоже размокшая. А у тебя?

– У меня вообще ничего. Мама хотела что-то всунуть, так я отказался, сказал, что продовольствие у нас в рюкзаке Николая Николаевича на всю группу. Да я ничего и не хочу. Давай всё это прибережём для Веры.

– А для кого же ещё? Мы и так перебьёмся. Человек без еды может прожить целый месяц, главное, чтобы вода была. А её у нас целое озеро, пей – не хочу.

На этот Шуркин выпад я не ответил, а поднялся и сам пошёл проверять его изыскания. Я также, как он, сунулся было на север, на запад и на юг – везде была вода. И ни в одну сторону не было даже намёка на то, что где-то неподалёку находится земля. Мне почему-то припомнились слова Пятницы

из «Робинзона Крузо», когда он увидел вдали землю: «Там мои люди, моя земля». Я этого сказать не мог. Вернувшись назад, я сделал Вере перевязку. Рана по-прежнему оставалась большой и страшной, но, кроме этого, я заметил, что края её отекли и покраснели, что означало только одно – началось воспаление.

Весь день прошёл в ожидании. Мы с Шуркой не находили себе места. У Веры поднялась температура: она покраснелась, в глазах появился нездоровый блеск, она поминутно облизывала пересыхающие губы и просила пить. Когда день стал сдавать свои позиции, мы наконец-то, сумели разжечь костёр, согрели в кружке воду и напоили Веру таким «чаем» с конфетами. Она сделала несколько глотков, сказала: «Спасибо» и уснула. Мы не знали к лучшему это или к худшему. Но на всякий случай решили спать по очереди.

В тревоге и волнениях прошла вторая ночь. Утром стало заметно, что состояние Веры ухудшилось. Температура не снизилась, а ткани вокруг раны устрашающе отекли и покраснели. В ране появился гной. Она по-прежнему отказывалась от еды и только просила пить. Для перевязки разорвали Шуркину рубашку.

Прошли ещё один день и ночь. Наше положение становилось отчаянным. Шурка отозвал меня в сторону.

– У Верки уже не просто температура, а жар. Я посмотрел, а у неё уже вся нога опухла. Она умрёт. Если мы ничего не сделаем, она умрёт, – повторил с такой болью в голосе, что я не выдержал:

– Не каркай, никто не умрёт. Вы оставайтесь здесь, а я поплыву к берегу.

– Куда ты поплывёшь? Ты ведь даже не знаешь, в какую сторону плыть.

– Знаю, на север. Компас у нас есть. Не знаю, за час, два, за десять, но я

доберусь до берега, найду людей и приведу их сюда.

– Саш, давай лучше я поплыву, Вера ведь моя сестра.

– Вот поэтому ты и останешься с ней, а для меня она самый лучший друг, закадычный друг, а друзей в беде не бросают. Тем более, я плаваю лучше тебя.

Я нацепил на руку компас и уже направился к берегу, как Шурка тормознул меня:

– Пстой, тебе много сил понадобится, съешь консерву.

– Нет, Шурка, я не хочу есть. Как только я уплыву, ты попробуй скормить её Вере. Вот кому нужна сила.

Я вошел в воду, определил направление и поплыл. Плавать я могу по всякому: и кролем, и брасом, и «саженками», но тут пригодился самый экономичный в смысле затраты сил способ «по-собачьи». Я не торопился, вернее, не форсировал своё продвижение, потому что просто-

напросто боялся выбиться из сил. Не знаю, сколько времени я пробыл в воде, но только солнце уже начало опускаться к горизонту. Силы тоже стали покидать меня. Каждый гребок давался с напряжением, руки потеряли способность слушаться. А тут вдобавок я почувствовал, что левую ногу стала сводить судорога. Я пытался распрямить её, но боль оказалась настолько сильной, что мой рассудок отказался воспринимать действительность. Я закричал, в рот попала вода, я начал захлёбываться. Наверное, сознание покинуло меня, потому что я уже не помнил ничего, кроме одного. Кто-то подхватил меня под руки, кто-то кричал на ухо:

– Ты откуда, мальчик?

Мне кажется, что я успел ответить:

– С острова.

Больше я не помнил ничего.

Глава семнадцатая

В себя я приходил медленно. Первое, что увидел, приоткрыв глаза, – белые потолки. Мне показалось, что я где-то в неведомом мире, потому что в нашем мире над головой человека всегда находится голубое небо. Затем в поле зрения попали белые стены, потом голубые панели и снова представилось, что я плыву только не в озере, а в голубом море, а вокруг ни души. Я снова закрыл глаза, а когда в очередной раз открыл их, увидел маму, её заплаканное лицо. Я очень удивился: почему это мама плачет, я же здесь с ней. И вдруг меня сразила мысль: она плачет по Вере.

– Мама, что с Верой?

Мама оттого, что я пришёл в себя, заплакала ещё сильнее:

– Сыночек, маленький, очнулся, жив, слава тебе господи.

– Мама, перестань плакать, что с Верой? – уже с высокой ноткой в голосе спросил я.

– Лежи, не волнуйся. Вера твоя тоже здесь, ей уже сделали операцию. Врачи сказали, что ты вовремя поплыл, чем и спас её.

– А Шурка?

– А дружок твой жив и здоров. Рвётся к тебе в палату, но врачи не пускают. Боятся, что он может помешать твоему выздоровлению.

– Мама, – уже почти закричал я, – как же Шурка может помешать мне. Наоборот, он лучше всякого лекарства.

– Хорошо, хорошо, я поговорю с твоим лечащим врачом, может быть, он разрешит Шурику навещать тебя.

Доктор разрешил, и Шурик сразу же нарисовался в палате. Он был чистенький, при параде, одет в пионерскую форму: белая футболка и чёрные наглаженные брюки. Это тётя Юля, Верина мама, а Шурикова тётя, заставила его так одеться.

– Больница, – сказала она, – серьёзное учреждение, там работают солидные уважаемые люди, и нам

вертеться перед ними в трусах и майках неприлично, поэтому, племянник, надевай свою самую лучшую одежду.

Вот Шурик и вырядился, несмотря на то, что на улице снова разгулялась жара. Едва моя мама вышла по делам из палаты, как Шурик тут же занял её место рядом со мной.

– А ты знаешь, почему нас так долго не могли найти?

– Нет, конечно.

– Если бы не ты, они бы никогда нас не нашли, а если бы нашли, то скорее всего наши трупы. Мы там от болезней и голода просто-напросто окочурились бы.

– Шурка, не тарихти, рассказывай всё по порядку.

И он рассказал:

– А что тут рассказывать? Ветер разбросал лодки по всему озеру, но их обнаружили сразу же: кого через час, кого через два, после того, как их прибило к берегу. И только мы куда-то пропали. На поиски подняли все

окрестные деревни, всех рыбаков, охотников, милицию, к утру подтянулись добровольцы. Только из Рябухино пришли на помощь двести человек. Искали, искали и, наконец, нашли в камышах нашу лодку, она была перевёрнутой, без вёсел, ну, и, сам понимаешь, без нас.

Что тут началось! Народ руками повыврал в окрестностях весь камыш, искали наши тела. Ни у кого не было сомнений, что мы просто-напросто утонули. А что ещё можно было подумать? Никому и в голову не пришло, что мы пропадаем на этом чёртовом необитаемом острове.

– Не ругайся, Шурка, – прервал его я, – наоборот скажи «спасибо» этому острову. Не окажись его, нас, может быть, и вправду захлестнула волна.

– И то верно, – согласился Шурик, потом, помолчав, добавил, – вот ведь как бывает. Помнишь, как мы хотели готовиться к жизни на необитаемом острове? Помнишь? А

потом передумали, решили к походу готовиться. Мы думали, что в наше время необитаемых островов днём с огнём не сыщешь. А ещё помнишь, гадали, как до этого острова добраться? На самолётах не летаем, на пароходах не плаваем и вообще из дома, считай, никуда не выходим. А оказывается, остров этот у нас под боком был и нас поджидал.

В палату вернулась мама:

– Шурик, тебя тётя Юля звала, надо возле Верочки посидеть, а она сходит на почту. Ей сейчас будет звонить твой дядя Серёжа.

– Приходи потом, – попросил я Шурика, – ещё поговорим.

– Придёт, – засмеялась мама, – куда он денется, успеете наговориться.

Глава восемнадцатая

Прошло много дней. Я уже давно дома, чувствую себя превосходно. Поначалу мне казалось, что все эти страшные события никак не повлияли на

меня. Потом появились сомнения, потому что наша жизнь, как по мановению волшебной палочки разделилась на две части: одна «до злополучных событий», вторая – «после». До этих событий мы были детьми, которые живут настоящим днём, а после... Я стал ловить себя на мысли, что неожиданно повзрослел лет на пять или десять, что уже давно закончил учёбу и самостоятельно шагаю по жизни. Думаю, что и с Шуркой происходит что такое, очень похожее на моё. Мы с ним уже не дурачимся, как прежде, чаще задумываемся о будущем.

О том, что было, я не люблю вспоминать. И даже, когда люди начинают говорить об этом, я стараюсь уйти от таких разговоров. Все твердят, что я герой, спаситель, а я не чувствую себя героем. Мне даже стыдно за то, что произошло. Вот если бы меня покалечило, как Веру, а я прыгнул бы в воду и доплыл до спасателей, это было бы одно. А я допустил, что моего

лучшего друга Веру настигло такое несчастье... не хочется даже говорить. Верочка уже почти умирала на этом острове, а я здоровый пацан поплыл на поиски людей только на третий день... Мне стыдно.

Когда уезжала Вера, она подошла ко мне, обняла, поцеловала и сказала:

– Спасибо тебе, Саша, если бы не ты, я бы, конечно, умерла.

Глупая, глупая, девочка, из-за меня ты столько времени страдала, я даже не могу представить те муки, которые навалились на тебя. И не дай бог ни кому испытать их.

В тот же день, как только Вера уехала домой в свою Ростовскую область, я написал ей письмо, на второй день тоже, потом на третий, на четвёртый, на пятый. Наконец, я получил ответ на первое письмо, затем на второе, на третье. Так мы и стали с ней переписываться. Я пишу каждый день, Вера ухитряется иногда в один день отправить два письма. В каждом

письме она обязательно благодарит меня за своё спасенье. А мне стыдно, я умоляю её не благодарить меня, а она не слушается.

Вчера приходил Шурик. Он сказал, что летом они с мамой собираются в гости к Вере. Если бы моя мама согласилась, то они могли бы взять и меня.

Я своей маме ничего не сказал, скорее всего, она меня никуда не отпустит. Она считает, что в этом злополучном походе чуть не потеряла меня, и даже, как мне кажется, во всём случившемся она в какой-то мере винит Веру. Она ни разу не сказала об этом, даже не намекнула, но я заметил, она не любит, когда я говорю о Вере и даже просто вспоминаю о ней.

Как-то мы сидели с Шуриком у нас на чердаке, каждый думал о чём-то своём.

— А знаешь, Сашка, — глядя куда-то мимо меня сказал Шурка, — а ты ведь действительно мог утонуть. Рыбаки,

которые подобрали тебя, рассказывали, что плыл ты не на север, а на восток, как раз вдоль озера. И проплыл ты к тому времени километров семь-восемь.

Я хотел сказать, что этого не может быть, но промолчал, только подумал, а сколько километров оставалось до берега. Это был последний мой с Шуркой разговор на эту тему. Правда, через много, много дней Шурка сказал, что после окончания школы он будет учиться на геолога.

– А ты? – спросил он меня.

– Не знаю, не думал, но скорее всего, я поступлю в тот институт, где будет учиться Вера.

– Но ведь это далеко от нас.

– Ничего, в нашей стране поездам и самолётам расстояния не страшны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвёртая	28
Глава пятая	34
Глава шестая	43
Глава седьмая	48
Глава восьмая	55
Глава девятая	62
Глава десятая	68
Глава одиннадцатая	73
Глава двенадцатая	75
Глава тринадцатая	82
Глава четырнадцатая	87
Глава пятнадцатая	92
Глава шестнадцатая	97
Глава семнадцатая	104
Глава восемнадцатая	108